

Роман Рубанов
СТРЕКАЛОВО

Роман Рубанов

Стрекалово

ИП «Центр современной литературы»

Рубанов Р. В.

Стрекалово / Р. В. Рубанов — НП «Центр современной литературы»,

Сценки из жизни поселка городского типа (ПГТ) с щедростью рассыпаны по книге, но за ними стоит нечто большее, чем наблюдательность. Какая-то старая, узнаваемая мелодия с треском виниловой пластинки, постоянно преследует тебя, радуя и тревожа своей щемящей надрывностью. «На каждой кочке звучит Вертинский», «джаз на коротких радиоволнах». То ли решили по- танцевать персонажи Василия Шукшина, то ли Эльдара Рязанова из «Вокзала на двоих». Они — наши современники. Связь времен в поэтике Романа Рубанова не нарушена. Человек мутирует не так быстро, как предлагает ему это сделать научно-технический и социальный прогресс. Нам дается шанс взглядеться в лица наших бабушек, чтобы успеть что-то понять перед вступлением в новое, неизведанное время.

© Рубанов Р. В.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Старая пластинка на новом проигрывателе	6
Маршрут автобуса Курск – Калиновка	8
ПГТ	8
Курск	10
«Квартира съемная. Продавленный диван...»	10
«Плачет Таня. Мячик утонул...»	11
«Вагон качает, с ним сопряжена...»	12
«Белгород – Москва. «Райцентр» Дьячкова...»	13
«То зайкой скачешь, то поёшь шеглом...»	14
«Наш дворник третьи сутки как пропал...»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роман Рубанов

Стрекалово

Маме и Папе с любовью

Старая пластинка на новом проигрывателе

Герой Рубанова едет на автобусе, считая остановки. Маршрут Курск-Калиновка. Конечный пункт – деревня Стрекалово; место, где родился поэт. За окном купола и триколоры соседствуют с памятниками вождям ушедшей эпохи. Серый простор. Дым отечества. Венедикт Ерофеев бессмысленно ерничал в этом пейзаже, Рубанов принимает его как данность. И любит. Не из интеллигентского великодушия, а ощущая себя его частью. Эта органичность, во многом забытая эгоцентричным жителем столицы, напоминает о мудром смирении, с которым стоит относиться к жизни, если ты понял, где твой дом. Поэты обычно мечутся во времени и пространстве, гоняясь за несбыточным. У Рубанова этого болезненного поиска нет и в помине. Если поэзия должна приносить весть, то весть Романа Рубанова проста: дедовский самосад, вода из колонки, хлеб на столе. Ее не надо изобретать. Она – перед тобой.

Сценки из жизни поселка городского типа (ПГТ) с щедростью рассыпаны по книге, но за ними стоит нечто большее, чем наблюдательность. Какая-то старая, узнаваемая мелодия с треском виниловой пластинки, постоянно преследует тебя, радуя и тревожа своей щемящей надрывностью. «На каждой кочке звучит Вертинский», «джаз на коротких радиоволнах». То ли решили потанцевать персонажи Василия Шукшина, то ли Эльдара Рязанова из «Вокзала на двоих». Они – наши современники. Связь времен в поэтике Романа Рубанова не нарушена. Человек мутирует не так быстро, как предлагает ему это сделать научно-технический и социальный прогресс. Нам дается шанс взглянуть в лица наших бабушек, чтобы успеть что-то понять перед вступлением в новое, неизведанное время.

Возвращение к опыту советской словесности востребовано новым поколением, входит в моду. И дело тут не только в ностальгии, умелом позиционировании или ставке на очередную «новую искренность». Дело в стремлении к достоверности речи. Саморефлексии 90-ых, ирония, скепсис, фи́га в кармане, как визитная карточка постмодерна, мгновенно сошли на нет, как только мы оказались в дне сегодняшнем. Лишенном иллюзий. Не знаю, повлияла ли на Рубанова поэтика Бориса Рыжего, осмелившегося писать «по старинке» пятнадцать лет назад и получившего небывалый, в чем-то даже необъяснимый успех. Скорее всего, тенденции родились в самой логике развития поэтического языка. Он меняется не так быстро, как ширина брюк и длина юбок. В провинции пишут так, словно метафоризма, концептуализма или смещения поэзии в русло европейского свободного стиля не было. И вовсе не потому, что не читали. А потому, что не прижилось. Поэзия существует как внутренняя необходимость пишущего, а здесь необходимости для нарочитых экспериментов нет.

«В деревню поеду на ПАЗике по кочкам, как в полубреду. И все первомайские праздники в крошечной глуши проведу». Люди в стихах Рубанова всегда едут в деревню, хотя и живут в городе. Город он – «без тепла и без души». А в деревне осталась сказка, тайна, где «от нарастающего гама шмелей, таскающих пыльцу, проснётся на рассвете мама, чтоб завтрак собирать отцу». А по лугу ходит корова Дымка и «тучным выменем будто мешком, золотыми набитым, позвякивает и весь луг молоком заволакивает». Священник, отец Валентин, тоже пользуется общественным транспортом. «Вот он и едет. И смотрит в окно. Жизнь, как песок на весах. А полчаса долго тянутся, но что для него полчаса?» Попытка измерять время в масштабах Господнего дня стоит практически за каждой строчкой этой книги. Куда нам без «ощущения вечности» за плечами? Не стоит размениваться и мелочиться.

Противостояние города и деревни суть развития цивилизации. С этой точки зрения можно рассматривать любой мировой конфликт, любую войну. Верность традиции – не обязательно слепое подражание, это – путь достоинства. Присяга. И если ты обладаешь собственным голосом, он будет услышан через решетку любых изобразительных средств. В Париже пишут, как Элюар и Апполинер. Переведите Рубанова верлибром – и вы получите такой же

качественный текст. За стихами Романа Рубанова проступают лица реальных людей, реальных берез и райсобесов. Это черта художника, способного работать в разных жанрах. В данном случае автор отработывает песенную мелодику. Уверен, что он может взять и другую ноту.

«На Флора с Лавром дискотека в центре». «Никитская церковь. Забора проём». «Ши на плите накрыты полотенцем». «Баба Шура кормит уток на дворе.» «Собаки мёрзнут в тесных конурах». «Гусиный след до горизонта тянется». «Поют в пакете караси». «Ты на крыльце приёмник слушаешь». «Квартира съёмная. Продавленный диван». «Мелкий снег пунктиром.» Точные детали повседневности выписаны в мороке нескончаемого сновидения: «Вот и снова приходят мои бабка с дедом. Говорят со мной. Каждый смиренно сидит на стуле».

Я тоже соскучился по своим старикам. И читатель соскучился. И по дедушкам-бабушкам, и по этому мирному укладу с криками грачей и звоном колоколов. Рубанов пишет стихи, которые поймут и в деревенском клубе, и в кафе «Жан-Жак». Это – достижение. Многие и не предполагают, что взаимопонимание возможно. Что контрапункт «поэт и чернь» возник в общем-то для красного словца, надуман. По крайней мере стихи Романа Рубанова намекают о возможности не только мирного сосуществования, но и самого мира. Потому что «нет, не страшно, тут, Господи, все свои».

Вадим Месяц

10 апреля 2016 г. Новодарьино

Маршрут автобуса Курск – Калиновка

ПГТ

1

Остывает ужин на плите,
догорает во дворе листва.
Золотая осень в ПГТ¹.
Осень – золотая голова.

Улицы пустые. Тишина.
Сонно. Странно. Грустно и смешно.
И висит над пгт луна.
Проплывает облака бревно,

пролетает птица, скачет зверь
по лесу, в воде живёт карась.
Вылови, пожарь, свари, измерь...
Золотая осень. Понеслась.

Три мешка картошки накопай,
огород конём перепаша.
И обратно в город поезжай...
В город без тепла и без души.

2

Какой райцентр – аббревиатура.
Какой посёлок, что ты – ПГТ.
Гостиница, больница, дом культуры,
военкомат, ментовка и т. п.

На Флора с Лавром дискотека в центре,
престольный праздник всё же как-никак.
Детишки утром спят, старушки в церкви,
студенты оккупируют кабак.

Очарованье пьяной дискотеки,
работников культуры, что поют

¹ ПГТ – посёлок городского типа.

про «вены-руки-вены-руки-реки»,
ларьков, в которых водку продают.

Продлить рассвет. И, рваную рубашку
заправив, вспомнить, крепко зубы сжав,
летающий пепел, крайнюю затяжку
пред тем, как тронется маршрутка, завизжав.

Курск

время
отправления

09:20

«Квартира съемная. Продавленный диван...»

Оле

Квартира съемная. Продавленный диван.
Лежим – мечтаем. Шепчешь ты: «На море
поедем этим летом...» Кто же спорит —
поедем. Покупаем чемодан.

Я не был там, на море, никогда.
Мне все равно. А ты была, и тянет
тебя на море. Значит, явью станет
мечта твоя. Зашелестит вода,

и море, как крыжовник (что за цвет?), —
зеленое, возникнет и поманит...
Лежим с тобой. Мечтаем. На диване.
И города и мира больше нет,

есть море. Что ж, купальник надевай
в горошек. Дочь в песке пойдет копать.
Я закурю. А ты пойдешь купаться.
Но только за буйки не заплывай.

Не заплывай. Мечты – как сон в руке —
такие явные, в них можно погрузиться.
Спи и мечтай. И пусть тебе приснится
прибой и алый парус вдалеке.

«Плачет Таня. Мячик утонул...»

Плачет Таня. Мячик утонул.
Молодость прошла, и муж в запое....
Танечка, не плачь, возьми отгул,
да оставь ты этот мяч в покое,

отдохни, ведь Агния Барто
знать не знала о такой концовке:
мячик, лужи, мальчик под зонтом
на пустой трамвайной остановке,

пьяный муж и дочка на сносях,
дел гора и низкая зарплата...
Наша жизнь – несовершенна вся,
что ж теперь рыдать? А ведь когда-то,

в детстве, было всё наоборот:
рубль за счастье, эскимо и мячик,
карусель, последний оборот
и напротив самый лучший мальчик.

«Вагон качает, с ним сопряжена...»

Вагон качает, с ним сопряжена
дорога бесконечной лентой ночи.
И в подстаканнике стакан грохочет,
а за окном такая глубина

и огоньки проносятся туда, —
туда, откуда еду я обратно.
Пейзаж ускорился и превратился в пятна,
и с тёмным небом спелись провода.

А через семь каких-нибудь часов,
мой город захолустный, забубённый,
старушкой дряхлой подбежит к вагону:
– Водичка, пиво, чебуреки, сок...

И чудо-птица – курский соловей,
которого пиарят старожилы,
из нас с тобою вытянет все жилы
бесхитростною песнею своей.

«Белгород – Москва. «Райцентр» Дьячкова...»

Белгород – Москва. «Райцентр» Дьячкова.
За окном деревья семят.
Проводница в блузке подростковой
робко спрашивает у меня:

– Кофе? Чай?
Как дурачок киваю.
Тарахтит стаканчик на столе,
в такт стихам как будто подвывая, —
Кофе, чай, «Последний вечер ле...»

«То зайкой скачешь, то поёшь щеглом...»

То зайкой скачешь, то поёшь щеглом,
то чеховским медведем ночью бредишь...
И где-то на гастроях под Орлом
напьёшься, плюнешь и домой уедешь

Как есть, в чужих усах и бороде,
в костюмчике старинного покроя...
– А где артист такой-то? – Да нигде.
Ушел в запой. – Бывает и такое.

Бывает. Правда. Всё Шекспир соврал:
мир не театр, а большая свалка.
Ну кто из нас гастролей не срывал
вот так, с плеча, чтоб никого не жалко?

...На третий день заявишься домой
и в зеркало посмотришь – битый Гамлет.
И Станиславский, в раме за спиной,
чего-то там несвязное проямлит.

«Наш дворник третьи сутки как пропал...»

Наш дворник третьи сутки как пропал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.